

I.

Мой юбилей.

26 октября этого года исполнилось 40 лѣтъ съ того знаменательнаго въ моей духовной жизни дня, когда любвеобильная мать—православная руссiйская церковь приняла меня изъ католичества въ свое лоно. 26 окт. 1868 г. въ г. Харьковѣ, въ Димитріевской церкви, викарнымъ Епископомъ Германомъ (впослѣдствіи Епископъ Кавказскій) былъ совершенъ при необычайно многолюдномъ собраніи молящихся и особой торжественности чинъ присоединенія къ православію всего нашего семейства, состоявшаго тогда изъ 6-ти душъ: отца моего съ матерью, меня и двухъ старшихъ братьевъ—Александра и Владиміра и сестры Ольги.

Хотя въ то время мнѣ было всего 4 года (родился я 27 февраля 1864 г.), тѣмъ не менѣе высокознаменательный день этотъ навсегда врѣзался въ моемъ сердцѣ и памяти, ибо онъ свято чтился въ нашей семьѣ, а изданная тогда по этому случаю брошюра подъ заглавіемъ: „Обращеніе чешскаго семейства въ православіе“, часто прочитывалась въ нашемъ семейномъ кругу, навсегда сдѣлавшись фамильной драгоценностью. Читается добромъ память добрыхъ нашихъ въ православіи крестныхъ отцовъ и матерей: генераль-маіора Е. А. Егорова, д. с. с., предсѣдателя мирового съѣзда, Л. И. Коростовцева, землевладѣльца Полтавской губ. Е. И. Попова, профессора И. В. Платонова, супруги Харьковскаго вице-губернатора Д. А. Беклеми-

шевой, супруги председателя губернской земской управы О. М. Бавтышъ, супруги профессора О. А. Лавровской и дочери Платонова—Александры. Но надъ всѣми ими подымается въ благодарномъ сердцѣ и памяти величавый образъ дорогого и незабвеннаго Преосвященнаго Германа, до конца своихъ славныхъ дней (умеръ въ С.-Петербургѣ въ должности председателя училищнаго Совѣта) неослабно печаловававшегося о нуждахъ всей нашей семьи.

Съ умилениемъ въ нашей семьѣ всегда вспоминалось и то радушіе, съ какимъ молящіяся Димитріевскаго храма приняли насъ въ свою среду, какъ новыхъ братьевъ по вѣрѣ. Вотъ что по этому случаю говорится въ вышеупомянутой брошюрѣ:

„Литургія кончилась. Преосвященный уже вышелъ изъ церкви, благословивъ новоприсоединившихся и надѣливъ ихъ просфорами; но народъ не выходилъ изъ церкви, хотѣлъ непременно видѣть новыхъ братьевъ по вѣрѣ, и—вотъ, когда двинулись они съ мѣста, то всѣ старались выразить имъ свое сочувствіе: кто подходилъ и просто поздравлялъ, кто бралъ дѣтей на руки, кто ласками и умильными взглядами выражалъ свою любовь, а одна пожилая незнакомая женщина, потянувшись къ малюткѣ, бывшей на рукахъ у матери, просила дать поцѣловать ручку, и произнесла: „голубушка ты моя! Дай Богъ тебѣ вырасти большой и быть счастливой“. Когда, наконецъ, дошли до выхода, гдѣ надобно было надѣть верхнюю одежду и переобуть обувь (ибо дѣти для удобства помазанія обуты были въ башмачки), то одинъ помогалъ надѣвать пальто, другой привималъ башмаки, третій, пахлопясь, помогалъ надѣвать сапоги, четвертый держалъ обувающихся подъ руки. Когда семейство вышло уже изъ церкви, то и здѣсь встрѣчено было множествомъ народа, расположившагося двумя длинными рядами, для удобства видѣть ихъ, и когда оно шло по срединѣ, то было встрѣчено и сопровождаемо благословеніями и пожеланіями христіанской любви. Добрый русскій народъ!—въ заключе-

ніе говорить составитель брошюры, — какъ много въ тебѣ хорошихъ нравственныхъ задатковъ и какъ умно надобно съ тобою обращаться при образованіи, къ которому ты такъ теперь стремишься, чтобы не изгладить природныхъ добродѣтелей твоихъ, и чтобы ты не заразился мертвечиною индифферентизма, которымъ у насъ за честь считаютъ отличаться такъ называемые цивилизованные, а въ сущности деморализованные (употребляемъ ихъ выраженіе) люди!“

Въ довершеніе вниманія къ намъ, мы были посажены въ присланную одною изъ кумъ великолѣпную карету и отвезены въ домъ другого воспріемника—Л. И. Коростовцова, гдѣ, вмѣстѣ съ другими, принимавшими ближайшее участіе въ дѣлѣ присоединенія, угощены были ласковымъ хозяиномъ роскошною закускою. Угошеніе оживлено было не одной простой бесѣдой, естественно вращавшейся около событія дня, но были произнесены и три спича, изъ которыхъ одинъ принадлежалъ гостепріимному хозяину, другой И. В. Платонову, а третій самому присоединившемуся Гофману.

Любимъ Ивановичъ Коростовцовъ обратился къ присутствующимъ съ такимъ словомъ:

„Позвольте, господа, по поводу нынѣшняго нашего собранія, высказать нѣсколько мыслей, невольно рождающихся. Міръ славянскій можно, и даже должно, считать міромъ русскимъ. Міръ онъ русскій не потому, что земли, занимаемыя славянскими племенами, входили въ границы Россіи. Вовсе нѣтъ! Извѣстно, что эти племена подлежатъ разнымъ чужеземнымъ владѣніямъ. Пусть онѣ и принадлежатъ имъ. Исключеніе можно желать лишь въ отношеніи тѣхъ земель, гдѣ коранъ и луна высятся надъ крестомъ и Евангеліемъ; но это вопросъ политики, а болѣе того—времени... Славянь можно считать русскими не по земельнымъ границамъ, а потому, съ одной стороны, что всѣ нарѣчія ихъ происходятъ отъ одного корня—языка славянскаго, а русскій языкъ есть старшій, обработан-

нѣйшій, живой представитель его въ 70 милліонахъ народа; съ другой потому, что въ Россіи сохранился славянскій языкъ подъ видомъ церковнаго; на немъ православная вѣра была провозвѣщена и всѣмъ племенамъ славянскимъ; наконецъ,—потому, что свѣтильникъ этой вѣры не погасъ среди ихъ, и славянскій языкъ не исчезъ подъ гнетомъ иноземныхъ иновѣрій и народовъ. Только Россія, по историческому ея происхожденію и по достиженію той высоты и величія, на которой она стоитъ нынѣ, и вѣще будетъ возвышаться, Провидѣніе указало быть ковчегомъ для храненія православія и чистоты славянскаго языка. Нынѣ эти славянскія племена, отщепившіяся отъ этой вѣры, лишены свсбоды въ употребленіи своихъ нарѣчій, оставившія свои имена и прозванія, измѣнившія названія рѣкъ, городовъ и мѣстностей; усвоившія даже латинскую азбуку для письма славянскоѣ рѣчи,—встаютъ отъ усыпленія, если не къ самобытности отдѣльной, то къ возстановленію языка имъ природнаго, славянскаго. Языкъ этотъ мало по малу приведетъ ихъ къ воссоединенію съ православіемъ потому, что источникъ и цѣлость этого языка находятся въ нашихъ церковныхъ книгахъ. Въ нихъ заключается не только грамматика и синтаксисъ языка славянскаго, но, что важнѣе того, и самыя дагматы нашей вѣры, сохраненныя въ той неприкосновенности, въ какой передали ихъ намъ св. апостолы, осѣненные Духомъ Святымъ, и стражи этихъ догматовъ—Вселенскіе Соборы. Эта духовная связь, проявляющаяся чрезъ языкъ и ведущая къ соединенію съ нашею церковью, составляетъ то крѣпкое звѣно, по которому все славянскія племена можно считать русскими, нынѣ по языку, а въ будущемъ—и по вѣрѣ. Не первый и не послѣдній шагъ къ воссоединенію съ православною церковью видимъ мы въ совершенномъ нынѣ торжествѣ. Однако-жь, несмотря на это, нельзя и нынче не порадоваться тому, что наша церковь пріобрѣла новыхъ чадъ, а Россія—новыхъ друзей. Пусть же сыны церкви умножаются: силы и связь духов-

ная между народомъ не уступаетъ силѣ физической. Воздадимъ же хвалу чехамъ, присоединившимся изъ иновѣрія къ нашей матери церкви и пожелаемъ новымъ собратамъ по вѣрѣ, здѣсь находящимся, милости Божіей, съ которой и будутъ они счастливы!“

Вслѣдъ затѣмъ за однимъ изъ послѣдующихъ тостовъ И. В. Платоновъ сказалъ:

„При видѣ этого торжества православія, когда мы имѣемъ удовольствіе зрѣть среди насъ цѣлое семейство чешское, въ числѣ шести душъ, оставившее католичество и присоединившееся къ православію, мысль моя невольно спрашиваетъ о причинѣ такого явленія и ищетъ разгадки въ прошедшемъ Чехіи,—ищетъ и прислушивается, нѣтъ ли какихъ-либо откликовъ въ историческихъ судьбахъ этой страны на совершившееся въ глазахъ нашихъ событіе. И что же вперенная мысль моя встрѣчаетъ въ туманной, но довольно прозрачной дали прошедшаго Чехіи? Я вижу двухъ свѣтоносныхъ мужей, въ величіи апостольскаго образа съ славянскими, ими изобрѣтенными, письменами и такими же, ими переведенными, святыми книгами, идущими изъ столицы восточнаго правовѣрія и всемірной тогда образованности, великолѣпной Византіи, въ темныя страны Славянъ, сидяшихъ во мракѣ язычества; вижу какъ они утверждаютъ средоточіе своей учительской дѣятельности въ столицѣ Моравіи, въ Велеградѣ, и оттолѣ разливаютъ свѣтъ хрестіанскаго просвѣщенія по всѣмъ окрестнымъ славянскимъ странамъ. Нужно ли мнѣ говорить вамъ, милостивые государи и государыни, кто эти свѣтлыя свѣтодательныя личности? Вы уже узнали въ нихъ св. первоучителей Кирилла и Меѳодія. Могла-ли отъ ихъ апостольской ревности укрыться язычествовавшая тогда Чехія, лежа на предѣлахъ занятой ими для постоянного пребыванія Моравія? И вотъ, по разсказу риемованной чешской хроники Лалемила, князь чешскій Боривой

Проси крета отъ Святоплука Моравскаго
А отъ Методѣе арцибискупа Велеградскаго.
Тень арцибискупъ Русинъ бѣше,
Мшу сву слованскы служіше...
Въ Велеграде крсти Чеха првего
Воривоіе кнѣзе ческаго,
Лѣта отъ нарожене Бсжего,
По осми сеть по девѣти дсать четвертого.

Но не одинъ князь принялъ крещеніе по православному восточному обряду, а и супруга его, чтимая нашею церковью во святыхъ—Людмила, имя, которымъ на Руси такъ любятъ украшать новорожденныхъ православныхъ дочерей. Само собой разумѣется, что примѣру княжеской четы послѣдовала, какъ и вездѣ бывало, большая часть народа,—и такимъ образомъ Чехія окрещена была въ купели, принесенной съ востока, изъ православной Византіи. Поэтому и церкви, которыя тотчасъ по крещеніи начали въ Чехіи строиться, строились по восточному обряду и оглашались пѣніемъ славянскій литургіи. Св. Людмила сама учила и внука своего Вячеслава благочестію по книгамъ славянскимъ, и даже за благочестіе свое сдѣлалась мученицею христіанства. Переживъ не только супруга своего, но и двухъ сыновей, Сцитигнѣва и Вратислава, она, кроткая и непритязательная, хотя и удалялась отъ участія въ правленіи за малолѣтнихъ своихъ внуковъ, тѣмъ не менѣе возбудила подозрительность жестокой и властолюбивой невѣстки своей Драгоміры, родомъ лютички (славянское, совершенно исчезнувшее племя), и вельдствіе того, по повеленію ея, задушена была въ собственномъ замкѣ головнымъ покровомъ, въ то время, когда колѣнопреклоненная стояла она на молитвѣ предъ св. иконою. Подобною же насильственной смертью погибъ и любимый внукъ ея и ученикъ, св. Вячеславъ, христіанскими добродѣтелями своими бывшій утѣхою своихъ подданныхъ: завистливый братъ его Болеславъ, въ то время, когда тотъ пріѣхалъ въ именовавшійся по вла-

дѣтелю городъ Болеславъ (нѣмцы перековеркали его въ Бунцлау) навѣститъ его, по чувству братскаго расположе- нія, и на другой день, по благочестію, пошелъ къ заут- рени въ церковь св. Космы и Даміана, — умертвилъ его лично въ дверяхъ храма, услышавъ и въ это время крот- кое слово прощенія: „да проститъ Богъ тебѣ, братъ!“ Такимъ образомъ православная Чехія дала нашей цер- кви и двухъ мучениковъ вѣры, пострадавшихъ за благо- честіе.

Мало сего: православіе Чехіи не ограничилось ея соб- ственными предѣлами, но пустило благодатную отрасль и за предѣлы. Дочь чешскаго короля Болеслава 1-го Домб- ровка, воспитанная въ восточномъ, переданномъ отъ Ме- еодія, православіи, выходитъ замужъ за Мечислава, гер- цога польскаго и, сопровождаемая множествомъ право- славныхъ священниковъ, приносить въ Польшу правосла- віе, ибо и условіемъ замужества было принятіе христіан- ства.

Но, увы! является изъ среды той же Чехіи нѣкто Вой- тѣхъ (перекрещенный нѣмцами въ Адальберта), учится богословію въ католическихъ школахъ, достигаетъ епис- копской каѳедры въ Прагѣ и начинаетъ преслѣдовать православіе, вытѣснять славянскую службу и истреблять славянскія книги (хотя не безъ ропота и возмущенія со стороны чеховъ, такъ что три раза долженъ былъ остав- лять свою епархію и убѣгать въ любимый имъ Римъ), и такимъ образомъ дѣло Мееодія уничтожается и уступаетъ мѣсто католичеству въ Чехіи. Осталась только одна цер- ковь съ славянскимъ богослуженіемъ во имя св. Кирилла и Мееодія; да славянское молитвенное воззваніе, слыши- мое и вышѣ въ чешскомъ богослуженіи: „Господи, поми- луй ны“. Но не долго было суждено и католичеству властвовать въ славянской странѣ; видно направленіе его худо согласуется съ славянскимъ духомъ. Явился въ той же Богеміи изъ деревни Гусица сильный умомъ, словами и дѣломъ славянинъ Іоаннъ Гусъ, который всѣми силами

своего генія ополчился противъ католичества; приближаясь въ ученіи своемъ къ загнанному и осужденному въ его отчизнѣ православію, онъ, съ не менѣе могучимъ ученикомъ своимъ Іеронимомъ, сталъ проповѣдывать противъ главенства папы въ церкви, непогрѣшимости его опредѣлений, высоты его предъ соборами, потребовалъ чаши приобщенія и для мірянъ, и до того остался вѣренъ своему ученію, что рѣшился лучше сгорѣть на кострѣ, чѣмъ измѣнить своему убѣжденію. Враги разсѣяли прахъ его по Рейну, но вѣрные послѣдователи его—чехи, набравъ въ горсти оставшагося подъ костромъ его пепла, въ отпеченіе за своего поборника истины, произвели такой страшный погромъ въ католическомъ мірѣ, что монастыри и церкви были разгромлены и сожжены, священники и монахи избиты, города и села наводнены ручьями крови, покуда, наконецъ, въ 1437 г. не приступлено было въ Прагѣ къ договору, которымъ дѣло кое-какъ улажено и партіи успокоены. За симъ католичество опять восприняло свою силу надъ стравою чеховъ и, подавляя самосознаніе народное и всякія стремленія къ свойственному образованію, властвовало довольно спокойно. Но съ конца прошедшаго столѣтія, со времени Іосифа II, вновь начинается чешскій духъ, вновь начинаютъ преподноситься избраннымъ свѣтлые образы первоучителей словенскихъ, вмѣсто представленнаго взамѣнъ ихъ іезуитскою хитростію папства двухъмысленнаго образа Ява Непомука,—и напоминать мысли о первобытной вѣрѣ; раскрываются братскія объятія великому народу, пребывшему вѣрнымъ завѣту святыхъ апостоловъ и въ то время успѣвшему низложить грознаго поработителя всей Европы; столица Чехіи Прага становится гостинницею русскихъ, которые и съ своей стороны платятъ такимъ же радушнымъ гостепріимствомъ пріѣзжающимъ чехамъ; болѣе благочестивые изъ нихъ переводятъ на чешскій языкъ наши православныя молитвы и молятся по нимъ въ тайнѣ своихъ молитвенныхъ клѣтѣй, а, наконецъ, изъ слова-

ковъ, одноязычныхъ и сосѣдствующихъ съ чехами, протестантъ Штуръ, провозглашаетъ во всеуслышаніе славянскаго и германскаго міра, что для славянъ единственно пригодная вѣра есть православіе! Вотъ, милостивые государи и государыни, бѣглый очеркъ вѣроисповѣдныхъ судьбъ Чехіи. Что же теперь значитъ присоединеніе чешскаго семейства къ православію, какъ не обращеніе къ первой вѣрѣ своихъ предковъ, облеченіе въ ту вѣроисповѣдную форму, въ которой одной можетъ свободно жить и вращаться славянскій духъ, освобожденіе отъ папской власти, поборовшей и доселѣ поборающей не только германизму, но магометанизму въ угнетеніи и подавленіи славянства,—и уклоненіе подь сѣнь церкви кроткой и приѣмлющей подь кровь свой всѣ національности, безъ посягательствъ на ихъ духъ и языкъ? Что иное значитъ это присоединеніе, какъ не воссоединеніе, возвращеніе къ союзу съ древнею родною православною церковью, въ объятія которой столько разъ порывался возвратиться чешскій народъ? Мы не можемъ не выразить здѣсь надежды, что и всякій чехъ, приходящій въ Россію, если онъ сколько-нибудь просвѣщенъ, знакомъ съ исторіей своей страны, способенъ разсуждать, и не сдѣлается бемакомъ (онѣмеченный чехъ), имѣя случай видѣть наше православіе лицомъ къ лицу, безъ всякихъ внушеній съ нашей стороны (къ чему, правда, мы и не очень склонны и способны), самъ по себѣ обратится къ сродной себѣ вѣрѣ, такъ излюбленной его благочестивыми предками, и что семейство Гофманъ, или лучше назовемъ его старымъ славянскимъ именемъ — Дворницкихъ, будетъ благословеннымъ начаткомъ добровольнаго и самоубѣжденнаго обращенія къ православію и другихъ чеховъ, нашедшихъ въ Россіи второе себѣ отечество.

Но, господа, не оставимъ безъ вниманія и значеніе самого дня, въ который совершилось дѣло присоединенія. Нынѣ празднуется православною церковью, а церковью, въ которой исполненъ обрядъ присоединенія, какъ храмовой

праздникъ,—память Димитрія, епископа Солунскаго, слѣдовательно соотечественника нашихъ первоучителей, которые тоже были родомъ изъ Солуня и, можетъ быть, также славянина, къ памяти котораго и сами они питали особенное уваженіе, и притомъ такого святого, котораго останки прославлены отъ Бога даромъ мироточенія и который какъ будто бы нарочно приспѣлъ къ намъ съ своимъ даромъ для помазанія малолѣтнихъ дѣтей г-на Дворническаго; нынѣ, сверхъ того, день, къ которому св. Меодій окончилъ полный переводъ книгъ Св. Писанія и въ который онъ своему соотечественнику-ученику, въ благодарность за содѣйствіе въ трудѣ, отслужилъ обѣдню. „Меодіе же — говорится въ старинномъ его житіи — отвергся молвы и печаль свою на Бога возложь... предложи въ борзѣ вся книги исполнь, развѣ Маккавеи, отъ греческа языка въ словенскъ, шестию мѣсяць, наченъ отъ марта мѣсяца до двоюдесяти и шестию день октября мѣсяца, скончавъ достойную хвалу и славу Богу воздасть, дающему таковую благодать и поспѣхъ и святое возношеніе тайное съ клиросомъ своимъ вознесъ, сотвори память святого Димитрія“. Итакъ, видите-ли, милостивые государи и государыни, что и день, въ который совершилось дѣло присоединенія, весьма близокъ къ тому по своему смыслу и значенію: и по отечественному отношенію празднуемаго нынѣ святого къ нашимъ первоучителямъ, и по свойству благодати, которою онъ отличенъ свыше предъ другими угодниками Божиими, и по окончанію къ этому дню св. Меодіемъ перевода для всѣхъ славянскихъ племенъ всѣхъ книгъ священнаго писанія, который былъ и доселѣ пребываетъ краеугольнымъ камнемъ нашей церкви. Трудно разбирать знаменія, даваемая свыше, но могій разумѣти, да разумѣть!

Примемъ-же, господа, новоприсоединенное семейство въ наши объятія съ братскою любовью, какъ его приняла въ материнскія нѣдра св. наша церковь,—будемъ ему помогать и содѣйствовать въ дѣлахъ жизни, поддерживать

его во время невзгоды, помогать въ случаѣ нужды, а болѣе всего постараемся расширить ему въ новомъ отечествѣ поле дѣятельности, на которомъ бы оно вполне могло приложить свои, привычные для него труды и свои, какія имѣеть, способности, а во свидѣтельство нашей братской любви къ нему и во славу православія поднимемъ наши бокалы и выпьемъ за здоровье новоприсоединенныхъ къ нашей церкви единоплеменныхъ братьевъ, чеховъ-славянъ Гофманъ-Дворницкихъ! Слава!»

Въ заключеніе самъ присоединившійся г. Гофманъ выразилъ свои благодарныя чувства на чешскомъ языкѣ всѣмъ, принимавшимъ участіе въ совершеніи дѣла его присоединенія, лицамъ и вообще всѣмъ новымъ своимъ соотечественникамъ, у которыхъ онъ, по пріѣздѣ въ Россію, вездѣ находилъ ласковый пріемъ и сердечное участіе.

„Великоважены обчество добродетелеве словяну,—такъ началъ г. Гофманъ,—пронаслѣдованъ въ наши земли кде семъ и мое моговитость (имущество) оставилъ, одобралъ семъ се къ нашимъ роднымъ а влкосречнымъ братьямъ въ Россіи. Безъ надее, безъ средства старалъ семъ се быхъ мою родину (семейство) живить могъ, пожъ се мнѣ, слава Богу, а честь русскимъ братьямъ удалось. Прожилъ рокъ (годъ) въ Россіи сезналъ семъ, же для полнога моего шости исполченіе съ братьями русскими надобно есть примуть православную виру и то прото, апжъ та сама одъ нашихъ предку сошла; кромѣ того есть мое и ме жены вуле наше дѣти въ такове вирѣ вычовать, ктера права есть. Шести мнѣ слоужило наити такъ честне люди за кмотры (кумовья), же сме ани не очекавали (не ожидали) и съ тимъ се въ правдѣ доказало, якоу добросречность и справедливость православна вира, на дтителѣ и признавшихъ се къ тето вирѣ влива. Созналъ семъ дале, же се въ тето вирѣ не гледи на дустойность (чинъ) а богатствіе, нибржъ на дѣла и добре сердце. Протожъ таке надѣюсь, же мему примѣру вше краяны

(земляки) слѣдовать буду. Не могу тебѣ опоменуть и въ менѣе ме роодина (семеѣство) вѣшемъ участнымъ членумъ срдечне благодарить, а правимъ же наше сердце радости плеса быти ныни вашими правыми братьями, а протожъ воламе:

Слава а честь благовѣрному Государю и его Августѣйшему семеѣству!

Слава православному духовенству! Слава нашимъ достойнымъ и уважаемымъ кмотрамъ (кумовьямъ)!

Слава тѣмъ добрымъ искреннимъ людямъ, которые содѣйствовали къ достиженію нами давно желанной цѣли!

Наздаръ вѣшемъ православнымъ россияномъ настоящимъ моимъ братьямъ!

Наздаръ моеѣ новой родинѣ!“

Дальнѣйшія судьбы нашего семеѣства неразрывно были связаны съ свѣтлой личностью благостнаго епископа Германа, вскорѣ послѣ описаннаго событія назначеннаго въ Ставрополь (губернскій) на самостоятельную кафедру. Въ Харьковѣ мы пробыли не долго, такъ какъ отецъ, состоя на службѣ въ телеграфной конторѣ, потерялъ здѣсь зрѣніе настолько, что, по совѣту врачей, долженъ былъ совершенно прекратить канцелярскій родъ занятій. Воспользовавшись сильнымъ колонизаторскимъ движеніемъ чеховъ на берегъ Чернаго моря (въ частности въ Новороссійскій округъ), имѣвшимъ мѣсто въ концѣ шестидесятихъ годовъ, отецъ со всѣмъ семеѣствомъ поселился въ деревнѣ Глѣбовкѣ, а затѣмъ въ Джубгѣ. Это было, вѣроятно, худшій періодъ нашей жизни: жили въ холодѣ и голодѣ и если въ это время не пропали совсѣмъ, то только благодаря частой матеріальной помощи епископа Германа. Удивительной внимательности этого епископа мы обязаны тѣмъ, что, когда я съ братомъ Владиміромъ (нынѣ настоятель собора въ гор. Новороссійскѣ) достигли школьнаго возраста, вся наша семья перебралась въ Ставрополь (губернскій), гдѣ отецъ получилъ мѣсто эконома въ духовномъ училищѣ, а мы были приняты на ка-

женный счетъ въ то же духовное училище: я въ приготовительный классъ, а братъ во второй классъ (самый старшій братъ Александръ въ то время продолжалъ ученіе въ Харьковской гимназіи).

Ныпѣ изъ шестисоставной тогда нашей семьи въ живыхъ осталось всего три человекъ: я, братъ Владиміръ (протоіерей) и Александръ (учитель нѣмецкаго языка Севастопольской гимназіи). Отецъ умеръ въ Геленджикѣ, мать въ Ставрополѣ, а сестра умерла и схоронена тоже въ Геленджикѣ.

По выходѣ изъ Ставропольской семинаріи и вступленіи въ самостоятельную жизнь, волны житейскаго моря сразу подхватили меня и нерѣдко съ бѣшенною яростью бросали изъ стороны въ сторону, но поглотить и окончательно погубить меня не смогли, ибо каждый разъ въ „минуту жизни трудную“ я напрягалъ все свои духовныя силы, стараясь держаться возможно ближе того маяка, которымъ для меня навсегда осталась святая православная церковь, въ составъ которой я вошелъ 40 лѣтъ тому назадъ.

Слава милосердному Господу, даровавшему мнѣ такую милость; глубокая сыновняя признательность покойнымъ моимъ родителямъ, введшимъ меня съ собой въ православную церковь; вѣчная благодарность незабвенному покровителю нашему епископу Герману, а также нашимъ воспріемникамъ, воспріемницамъ и всеѣмъ доброжелательствовавшимъ намъ русскимъ людямъ!

Вячеславъ Гофманъ-Дворницкій.